

Александр Макаров

*Тайны Красной
планеты*

Александр Макаров

Тайны Красной планеты

<https://litres.ru/74426147>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник добрых неторопливых историй, где чудеса не грохочут и не сверкают ослепительно, а прячутся в тишине. Вместе с Ининель и Легхтом читатель пройдёт по таинственным тропам Марса и научится слышать то, что обычно остаётся незамеченным. Герои исследуют мир бережно, шаг за шагом, и именно в этом находят настоящее волшебство. Их главные инструменты — терпение и внимательное сердце, а награда — открытия, из которых складываются самые тёплые истории. Сборник идеально подойдёт для семейного чтения и для чтения на ночь, он помогает замедлиться, выдохнуть и снова научиться видеть тихий свет, спрятанный в тишине. Для детей от 6 лет и для всех, кто верит, что самые важные истории звучат шёпотом — и стоит лишь прислушаться, чтобы услышать их.

Содержание

Тайны Красной планеты	4
Сказки Марса	5
Каменное перо	9
Песок, что помнит шаги	12
Свет, что живёт в тени	15
Дорога из звёздной пыли	19
Песок, что поёт под луной	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Макаров

Тайны Красной планеты

Тайны Красной планеты

Сказки Марса

Ты держишь в руках не просто книгу, а маленькую карту тишины. Мы с Легхтом собирали эти истории долго и очень осторожно — так, как собирают тёплые камешки, не все подряд, а только те, что будто сами ложатся в ладонь. Каждая сказка — это место, где Марс шепнул нам что-то важное. А мы постарались не перепутать слова и не проскочить мимо главного из-за спешки.

Знаешь, самое большое волшебство на Красной планете прячется не в громких чудесах. Оно живёт в шорохе песка, в узоре, который становится виден только на рассвете, в тихом звуке, который слышишь, если посидишь совсем без движения. Марс не торопит. Он ждёт, пока ты сядешь рядом, положишь ладонь на тёплый камень и просто послушаешь. И тогда он расскажет тебе свою историю.

Мы записали двадцать одну такую тайну. Не потому что тайн всего двадцать одна — их гораздо больше. Просто это те, что мы смогли услышать и удержать в словах. Пусть они станут твоим пропуском в мир, где тишина умеет петь, а каждый камень хранит чей-то тихий голос.

Садись поудобнее. Сейчас мы пойдём по тропе, где даже воздух помнит шаги тех, кто шёл здесь до нас. И пусть эта дорога будет твоей тоже.

Лёгкий ветерок пробежал по склону, будто приглашая сделать первый шаг. Легхт чуть приподнял прибор — медные нити в нём едва заметно дрогнули, словно прислушивались к самому дыханию планеты. Ининель прижала к груди кристалл, он пока не светился ярко, будто берег свой свет для чего-то важного.

Тропа начиналась совсем просто — узкая полоска между камнями, почти незаметная, будто её специально спрятали от тех, кто спешит. Но если идти медленно, если смотреть не вперёд, а под ноги, можно разглядеть, как песок ложится тонкими узорами, похожими на следы чьих-то давних шагов. Легхт наклонился, провёл ладонью по одному из узоров, и прибор тихо щёлкнул, будто сказал - да, это начало.

Ининель присела на тёплый камень, закрыла глаза и стала слушать. Сначала она слышала только свой тихий вдох и едва уловимый шелест ветра. Потом к ним прибавился ещё один звук — мягкий, будто кто-то очень осторожно водил пальцем по гладкой поверхности камня. Ей вдруг показалось, что это не просто ветер шепчет, а сама планета здороваётся, говорит - я рада, что ты пришла.

Кристалл в её руке засветился ровно, без вспышек, будто подтверждал, здесь всё по-настоящему. Легхт достал тёмную пластинку, которую они всегда носили с собой, и приложил её к узору на песке. Линии на пластинке совпали с завитками, будто две части одной карты наконец нашли друг друга. Тёплый камешек, выпавший из камня в прошлой истории, тихо засветился по краям, будто радовался, что снова оказался там, где нужен.

Они посидели ещё немного, слушая, как тишина сплетает свои нити, как ветер осторожно перебирает песчинки, как прибор едва заметно подрагивает, будто учится говорить на языке планеты. Потом встали, бережно держа свои находки. Им казалось, что они не просто начали путь — они услышали первый тихий голос Марса, и теперь он будет вести их от одной тайны к другой.

Ведь на Красной планете дорога начинается не с громких слов, а с минуты тишины, когда ты просто садишься на тёплый камень, закрываешь глаза и позволяешь миру рассказать тебе свою историю. И если ты сейчас сделал то же самое — если остановился, прислушался и почувствовал, как что-то внутри отзывается на этот тихий шёпот, — значит, тропа уже приняла тебя. Ты стал одним из тех, кому Марс доверяет свои тайны.

Так начинается наш путь. Так начинается и твой.

Каменное перо

На Марсе рассвет не вспыхивает, а пробирается по холмам осторожно, будто боится спугнуть тишину. В этот час планета дышит медленно и ровно, и тот, кто умеет слушать, слышит в этом дыхании целые истории.

Ининель жила там, где три долины сходились, как три дороги, и каждая вела в свою тайну. Её дом стоял на склоне, и каждое утро она выходила на порог, подставляла ладони прохладе и ждала, когда песок начнёт шептать. Она знала, что на Марсе шёпот громче крика, а тишина умеет рассказывать сказки.

Однажды ветер принёс не пылинку и не песчинку, а каменное перо. Оно легло у её ног, тонкое, с прожилками, похожими на звёздные дорожки. Ининель подняла его, и перо тихо звякнуло, будто внутри пряталась маленькая нота. Девочка подула на него, и звон стал глубже, словно кто-то в темноте кивнул ей в ответ.

Перо потянуло её вперёд, не силой, а лёгкой дрожью, которую хотелось повторять. Ининель шла не торопясь, чтобы не спугнуть этот тихий зов. Тропа вилась между камнями,

складывавшимися в молчаливые узоры, и привела в долину, где песок лежал кругами, будто кто-то бросил в невидимую воду камешек и ждал, что будет дальше.

В центре долины стоял старый камень с тонкой трещиной, из которой сочился свет. Не горячий, не слепящий, а такой, каким светится память. Ининель вставила перо в трещину, и свет стал ярче, вырисовывая на внутренней стороне камня тонкую пластинку с кругами и спиралями. Это была карта не дорог, а дыхания планеты. Вот здесь Марс вдыхает, вот здесь выдыхает, а вот тут, в самом тихом месте, он шепчет имена тех, кто умеет слушать.

На пластинке мелькнули две фигурки. Одна маленькая, с тонкими пальцами, сжимающими каменное перо. Другая чуть поодаль, с прибором в руках, похожим на связку трубок, соединённых нитями. Прибор тихо щёлкал, ловя границы света и тени. Мальчика звали Легхт. Он не кричал, не звал, не торопил. Он просто стоял и смотрел, как планета рисует свои узоры.

Ининель не видела его наяву, но почувствовала, как будто тёплый ветерок коснулся плеча и шепнул, что он здесь. И если идти не спеша, если слушать не ушами, а сердцем, их пути обязательно встретятся. Ведь Марс не любит суеты. Он любит тех, кто замечает тихий звон каменного пера, свет в

трещине старого камня и узоры, что рисует ветер на песке.

С того дня Ининель знала, что чтобы услышать планету, не нужно ничего особенного. Нужно просто остановиться, подставить ладони прохладе, подождать рассвета и позволить Марсу рассказать свою сказку.

Песок, что помнит шаги

На Марсе даже тишина бывает разной. В одних долинах она звенит, будто в воздухе висят крошечные колокольчики. В других ложится тяжёлым бархатом, и слова в ней тонут, не долетев до чужих ушей. Легхт любил те места, где тишина звенела. Он верил, что именно там планета шепчет свои самые важные секреты.

Легхт носил с собой прибор, который сам собрал из осколков прозрачного камня и тонких медных нитей. Прибор не кричал цифрами и стрелками, а тихо щёлкал, когда рядом пряталась тайна. Легхт называл его Слухачом. Он не искал громких чудес, ему хватало маленького чуда — увидеть, как тень ложится не туда, куда должна, или как песок вдруг ложится ровными дорожками, будто по нему кто-то недавно прошёл.

В тот день Слухач защёлкал особенно настойчиво, когда Легхт подошёл к краю старого каньона. Там ветер не гудел, а напевал одну и ту же короткую мелодию, и песок внизу лежал не волнами, а тонкими прямыми линиями, похожими на строчки письма. Легхт присел на корточки, провёл пальцем по одной такой линии — и почувствовал, как под пес-

ком прячется что-то твёрдое и гладкое.

Он осторожно смахнул песок и увидел круглую пластинку из тёмного камня. На ней были выцарапаны спирали и крошечные точки, будто кто-то пытался записать небо. Легхт поднёс пластинку к Слухачу, и тот защёлкал быстрее, словно узнал знакомый голос. А потом Легхт заметил на краю пластинки тонкий отпечаток — не просто вмятина, а след маленькой ладони, будто кто-то крепко держал эту пластинку, прежде чем оставить её здесь.

Легхт сразу подумал про Ининель. Он никогда её не видел, но знал, что она ходит по тем же долинам, слушает тот же ветер и ищет те же тайны. Ему казалось, что их пути похожи на две тонкие дорожки, которые пока бегут рядом, не пересекаясь, но обязательно должны встретиться там, где песок ложится ровно, а тишина начинает петь.

Ветер вдруг подхватил песчинку и закружил её над каньоном, будто приглашая идти дальше. Легхт поднялся, спрятал пластинку в мешочек у пояса и пошёл вдоль края, туда, где солнце садилось особенно низко и окрашивало скалы в тёплый медовый цвет. Он не торопился. На Марсе спешка оставляет следы, а терпение помогает услышать даже самый тихий шёпот.

По дороге он нашёл ещё одну странность — камень, который не был похож на остальные. Он лежал отдельно, будто его специально положили, и на его боку виднелся тонкий узор, похожий на крыло. Легхт наклонился, и в этот миг ему показалось, что где-то совсем рядом тихо звякнуло каменное перо. Звук был такой короткий, что его можно было принять за игру ветра, но Легхт улыбнулся. Он знал, это не ветер. Это Ининель где-то рядом, она идёт по своим дорожкам, слушает свои мелодии и, может быть, прямо сейчас смотрит на такой же закат и думает о том, как странно устроен Марс — будто он специально прячет маленькие подсказки, чтобы двое любопытных детей однажды нашли друг друга.

С того вечера Легхт стал замечать повсюду крошечные знаки. След на песке, необычный камень, завиток ветра, который вдруг складывался в знакомый узор. Он не записывал их в толстую тетрадь, а просто запоминал, потому что верил, когда он наконец встретит Ининель, им не понадобятся слова, чтобы понять, сколько одинаковых тайн они нашли каждый по отдельности.

А пока он шёл, слушал, собирал в памяти эти тихие подсказки и знал Марс не торопит. Он даёт столько времени, сколько нужно, чтобы научиться слышать. И когда придёт нужный миг, он сам проведёт их туда, где две дорожки наконец станут одной.

Свет, что живёт в тени

На Марсе тени не просто повторяют очертания предметов, они умеют хранить секреты. Ининель давно это заметила. Если встать так, чтобы солнце падало сбоку, тень от камня становилась длиннее, будто хотела дотянуться до чего-то важного. А если присесть и смотреть не на сам камень, а на его тень, можно было разглядеть узоры, похожие на древние письмена.

В тот день Ининель шла по узкой тропе между двумя высокими скалами. Здесь всегда было прохладнее, а тени лежали плотным мягким ковром, почти как ткань. Она не спешила, потому что знала, спешка на Марсе заставляет тени прятаться, а терпение заставляет их шептать.

Вдруг тень от выступа легла не ровной полосой, а тонкой спиралью, будто кто-то нарисовал её специально. Ининель присела, провела пальцем по краю спирали — и почувствовала лёгкое тепло. Не горячее, а такое, каким бывает камень, который долго лежал на солнце и теперь отдаёт накопленный свет. Она наклонилась ближе и увидела в самом центре спирали крошечную впадинку, а в ней — тонкий прозрачный кристалл, похожий на застывшую каплю росы.

Ининель осторожно подняла кристалл. Он не звенел, как каменное перо, а тихо светился изнутри, будто в нём прятался кусочек рассвета. Девочка поднесла его к глазам, и мир вокруг стал чуть другим, тени сделались глубже, камни — тише, а воздух будто наполнился едва слышным шёпотом. И тогда она поняла кристалл не просто светится, он помогает видеть то, что обычно остаётся скрытым.

Она огляделась и заметила, что вдоль тропы, там, где тени ложились особенно ровно, в камнях прячутся такие же впадинки. В одних лежали кристаллы, в других — пустота, будто кто-то уже забрал свет. Ининель пошла дальше, бережно держа свой кристалл, и вдруг увидела впереди фигуру. Это был мальчик с прибором в руках, похожим на связку тонких трубок. Он стоял неподвижно и смотрел, как ветер гонит по земле тонкую струйку песка.

Это был Легхт. Он не сразу заметил Ининель, потому что был слишком занят тем, как тень от скалы ложится на песок и будто рисует невидимую карту. Но когда ветер на мгновение стих, он услышал тихий шорох и поднял голову. Их взгляды встретились, и в этот миг показалось, что даже Марс задержал дыхание, будто ждал, что будет дальше.

Легхт улыбнулся не широко, а так, как улыбаются, когда

встречают кого-то, кого давно искали, но не знали имени. Он приподнял свой прибор и тихо сказал, почти шёпотом:

— Кажется, этот камень знает больше, чем кажется.

Ининель подошла ближе и протянула кристалл

— А этот умеет показывать тени, которые шепчут.

Они встали рядом и стали смотреть на скалу. Теперь, когда у них было сразу два чуда — прибор Легхта и кристалл Ининель, — мир будто приоткрыл ещё одну дверцу. Тени на камне сложились в узор, похожий на дорогу, уходящую за горизонт. Легхт поднёс прибор к узору, и тот тихо щёлкнул, будто подтвердил - да, здесь есть путь.

Ининель улыбнулась. Она поняла, чтобы увидеть настоящее чудо, не обязательно искать его одному. Иногда достаточно встретить того, кто тоже умеет слушать тишину. Вместе они смогут разглядеть даже самый слабый свет, спрятанный в самой глубокой тени.

С того дня Ининель и Легхт стали ходить по Марсу вдвоём. Они не торопились, не кричали, не спорили, кто нашёл больше. Они просто шли, слушали, замечали узоры на камнях, тени, которые складывались в карты, и тихий звон пес-

чинок под ногами. И каждый раз, когда им казалось, что планета шепчет что-то важное, они останавливались, замирали и старались услышать это до самого конца.

Ведь Марс любит тех, кто не боится тишины, кто готов ждать, пока тень расскажет свою историю, а кристалл — покажет свет, который в нём живёт. И если идти вдвоём, даже самая длинная дорога становится чуть короче, а самое тихое слово — чуть слышнее.

Дорога из звёздной пыли

На Марсе ночи не чёрные, а тёмно-синие, будто кто-то пролил в небо густую краску и не стал её размешивать. В такие ночи звёзды висят так низко, что кажется — протяни руку и достанешь хоть одну, чтобы положить в карман и носить с собой, как маленький фонарик. Ининель любила эти часы, когда тишина становилась такой плотной, что её можно было почти потрогать.

В ту ночь она шла не по привычной тропе, а туда, где песок лежал особенно ровно, будто его кто-то разгладил ладонью. Лёгкий ветер кружил рядом, не тревожа, а будто подталкивая, иди туда, не бойся. Ининель шла и вдруг заметила, что на песке остаются не обычные следы, а тонкие серебристые полоски, будто каждый её шаг цеплял крошечные искорки, прятавшиеся в темноте.

Она наклонилась, провела пальцем по одной полоске — и та вспыхнула на миг, как крошечная молния, а потом тихо погасла. Ининель улыбнулась. Ей показалось, что сама планета подмигнула ей и сказала, смотри внимательнее, тут есть дорога, только её видно лишь тем, кто не торопится.

Девочка пошла дальше, стараясь ступать ровно, чтобы не спугнуть эти серебристые следы. Они вели между невысоких камней, складывавшихся в молчаливые ворота, и дальше, к небольшому уступу, где ветер будто собирался в тихий вихрь и кружился на одном месте, не разлетаясь в стороны. На уступе стоял Легхт. Он держал в руках свой прибор — тот самый, который щёлкал, когда рядом пряталась тайна, — и смотрел, как вихрь рисует на песке круг.

Легхт не удивился, увидев Ининель. Ему казалось, что он ждал её здесь всю жизнь, просто не знал, как она выглядит. Он чуть наклонил прибор, и тот тихо щёлкнул, будто поздоровался.

— Тут что-то есть, — сказал Легхт, негромко, чтобы не спугнуть ночь. — Ветер не просто крутится. Он повторяет один и тот же узор, будто хочет что-то показать.

Ининель подошла ближе и протянула ладонь. На её пальцах ещё держались крошечные серебристые искорки.

— Это звёздная пыль, — тихо сказала она. — Она ложится на песок, когда шаги получаются ровными. Я думаю, она и есть дорога.

Легхт улыбнулся. Ему понравилось, как просто и точно

она это сказала. Он поднёс прибор к вихрю, и тот защёлкал быстрее, будто обрадовался. А потом Легхт осторожно опустил одну медную нить в самый край вихря. Вихрь не рассыпался, а будто подхватил нить и потянул её в сторону, покаявая, куда идти.

Они пошли рядом, не торопясь. Вихрь летел впереди, как невидимый проводник, и каждый его поворот оставлял на песке тонкую серебристую линию. Линии сплетались в узор, похожий на карту ночного неба. Ининель смотрела на этот узор и чувствовала, как внутри становится тепло и спокойно, будто она наконец нашла то, что давно искала, даже не зная, как это называется.

Дорога привела их к небольшой низине, окружённой камнями, похожими на застывшие волны. В центре низины лежал плоский камень, на котором мерцали крошечные точки, будто кто-то рассыпал по нему горсть звёзд. Легхт присел рядом, провёл пальцами по точкам — и они отозвались тихим звоном, похожим на далёкий смех.

— Смотри, — прошептал он. — Это не просто камень. Это память о тех, кто раньше ходил здесь и тоже умел видеть дорогу из пыли.

Ининель села рядом и достала свой кристалл, тот самый,

что показывал тени, которые шепчут. Она положила его рядом с камнем, и кристалл тихо засветился, будто узнал старого друга. Тени от камней легли на песок и сложились в новые линии, переплетаясь с серебристыми следами. Теперь узор стал цельным, как песня, в которой каждая нота на своём месте.

Легхт достал из мешочка тёмную пластинку, которую нашёл у каньона, и приложил её к камню. Линии на пластинке совпали с узором на песке, будто кто-то давным-давно вырезал эту карту, чтобы однажды двое детей смогли её прочитать.

— Мы не первые, — тихо сказала Ининель. — Просто теперь наша очередь идти по этой дороге.

Легхт кивнул. Ему не хотелось говорить громко. В такие минуты слова сами становятся лишними, потому что всё самое важное уже сказано тишиной, ветром и светом, который прячется в пыли.

С того вечера Ининель и Легхт знали, на Марсе нет случайных следов. Каждый шаг оставляет свой узор, и если идти вдвоём, прислушиваясь к шёпоту планеты, можно найти дорогу даже там, где, казалось, идти некуда. А звёздная пыль будет ложиться под ноги ровно столько, сколько нужно, что-

бы путь не потерялся в темноте. Ведь Марс бережёт тех, кто умеет видеть не только глазами, но и сердцем, и кто не боится идти по дороге, которую видно лишь в тишине и лишь тем, кто готов её заметить.

Песок, что поёт под луной

На Марсе луна не светит, а будто прислушивается. Она висит в тёмно-синем небе, круглая и спокойная, и её свет ложится на холмы тонкими дорожками, по которым хочется идти, не отрывая взгляда от неба. В такие ночи даже камни становятся тише, будто не хотят спугнуть лунный свет.

Ининель и Легхт сидели на невысоком уступе, рядом с тем самым камнем, на котором мерцали крошечные точки, похожие на рассыпанные звёзды. Ининель держала в ладонях свой кристалл, тот, что умел показывать тени, которые шепчут. Легхт тихо крутил одну из медных нитей прибора, будто настраивал его на голос ночи. Они не торопились, потому что знали, самые важные вещи на Марсе случаются не быстро, а тогда, когда тишина становится достаточно глубокой, чтобы в ней можно было расслышать песню песка.

Вдруг Легхт замер и приподнял голову. Он не услышал слова, он услышал звук — лёгкий, едва уловимый, похожий на тихий перезвон стеклянных бусин. Звук шёл снизу, из-под песка, будто кто-то очень осторожно перебирал песчинки одну за другой. Легхт наклонился, приложил ухо к земле, потом снова поднял взгляд на Ининель.

— Слышишь? — прошептал он, не потому что боялся, а потому что рядом с такой тишиной любой громкий голос казался неправильным. — Песок поёт.

Ининель тоже прислушалась. Сначала она ничего не слышала, только ветер, который тихо шептал у камней. Но стоило ей закрыть глаза и подставить ладони прохладе, как звук стал чётче. Это действительно была песня, только не из слов, а из шорохов, звона и коротких вздохов ветра. Песчинки будто складывались в мелодию, которую можно было понять не ушами, а всем телом.

Легхт достал из мешочка тёмную пластинку, которую нашёл у каньона, и положил её на песок. Линии на пластинке вдруг словно потянулись к этому звуку, будто узнали его. Прибор тихо щёлкнул, как будто сказал - да, это то самое. Легхт провёл пальцем по одной из спиралей на пластинке, и в тот же миг песок рядом с ней чуть приподнялся, будто отозвался.

Ининель наклонилась и осторожно провела ладонью по песку. Он не был холодным, он был тёплым, будто хранил в себе тепло дня и теперь отдавал его ночью. Она взяла горсть песка и медленно пропустила сквозь пальцы. Песчинки падали не просто так, они ложились узором, похожим на за-

витки ветра. Кристалл в её другой руке тихо засветился, и тени от камней легли поверх этого узора, дополняя его новыми линиями.

— Это карта песни, — тихо сказала Ининель, будто сама удивилась, что поняла это так просто. — Не карта дорог, а карта звуков. Если идти по этим линиям, можно услышать, как планета поёт.

Легхт улыбнулся. Ему нравилось, как Ининель всё замечает. Он взял тонкую медную нить, опустил её на песок рядом с узором и чуть потянул. Нить не сопротивлялась, она будто скользнула по невидимой дорожке, повторяя завиток. Прибор снова щёлкнул, теперь уже уверенно, будто подтвердил - да, мы на верном пути.

Они встали и пошли по узору, который сам проступал под их шагами. Песок мягко шуршал, ветер тихо подпевал, а луна смотрела сверху, будто знала, куда они идут. Узор привёл их к небольшому кругу из камней, внутри которого песок лежал особенно ровно, как будто его кто-то разгладил много раз, чтобы оставить место для одной важной мелодии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.